

Толпа на Дворцовой площади в ожидании официального заявления Николая II о вступлении России в войну, Санкт-Петербург, 2 августа 1914 года

В день объявления всеобщей мобилизации, Германия, 1914 год

«Анна играет „Боже, царя храни“, с удовольствием слушаю»

КАК ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ РОССИИ, ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ, ФРАНЦИИ И АНГЛИИ ВСТРЕТИЛИ НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Добровольцы из Эльзаса и Лотарингии, Париж, 13 августа 1914 года

Пункт записи добровольцев, Трафальгарская площадь, Лондон, ноябрь 1914 года

1914-й, о котором мы так часто сейчас вспоминаем, стал в Европе годом практически всеобщего патриотического и националистического подъема и одновременно впервые разделил границами самый космополитический и образованный класс, до этого считавшийся общеевропейским, то есть единым. Разделились те, кого позднее стали называть «мастерами культуры». Именно в первые меся-

цы войны ответ на известный вопрос показался большинству из них очевидным: «и с властью, и с народом». Жажда причастности и страсть обновления стирали жанровые и национальные различия с такой же силой, с какой их подчеркивала породившие эти чувства война. Патриотическая риторика, так востребованная военным аппаратом и бюрократической

машиной, использовалась не только по прямому казенному назначению. В 1914 году, который справедливо считают началом всех дел и переделов XX столетия, она возникала в дневниках и письмах лучших людей эпохи, рождалась из искренних и даже интимных представлений и заблуждений, за которые вскоре пришлось заплатить непредставимую поначалу цену.